

Роберт
АСПРИН
Джоди Л. Най

МИФЫ
МИФОПОДСТАВЫ

Издательство АСТ
Москва

НЕМИФИЧЕСКИЙ ФАРТ

ГЛАВА 1

*Мелкая преступность —
бич сегодняшнего бизнеса.*

Д. Лорин

Эй, приятель! Да-да, ты, с зеленой чешуей! Купи меня!
Я оглянулся.

Я водил носом по одной из бесчисленных распродаж, до которых страшно охоч, но не на Базаре, где голос, скорее всего, принадлежал бы невинного вида торговцу-деволу за прилавком, а в базарный день на городской площади в измерении под названием Иттшалк, где я просто любопытства ради сделал остановку во время моего тура по провинциям. Здешние жители, наподобие растафарианцев, поросли колтунами длинных спутанных волнистых волос, а бескрайнее небо было зеленоватого оттенка.

Впервые за долгие годы я ни от кого не зависел в моем путешествии в соседнее измерение — спасибо подарку друга. Я наслаждался новизной странствий в обществе себя любимого, задерживаясь сколько угодно и где угодно. Если мне хотелось на недельку уйти в запой в Пукипси с пучками, я так и делал. Если вдруг оказывалось, что ежегодный фестиваль Вскрытия Бочек в Гарве полный отстой, я мог в два счета отменить бронь, не дожидаясь, когда какой-нибудь фокусник взбодрит меня. Свобода дарила больше кайфа, чем любое шампанское, которое я когда-либо пил.

Ежегодная Праунвипская сельская ярмарка являла собой густой лес торговых палаток, установленных на открытой площади среди нескольких зданий, разбросанных по пыльной равнине прерий. Под коническим голубым шатром в середине площади настраивался духовой оркестр. Аппетитный аромат жареных сосисок, пузырящиеся горшки с острым перцем чили привлекли мое внимание к длинноволосым поварам, колдовавшим над печками-каменками под соседним шатром. Умелые пальцы парикмахеров заплетали длинные локоны ребятишек в тоненькие дреды, украшая их разноцветными бусинами, или же наносили из баллончиков переливчатые узоры блесков, которые, как несомненно надеялись их матери, впоследствии не составит большого труда смыть.

На одной стороне площади другие волосатые обитатели испытывали удачу, увертываясь от обстрела кокосовыми орехами, выпускали стрелы по надутым цветным шарам или же набитым тряпками мячом сбивали пирамиду из амфор. На мой изощенный извергский взгляд, довольно примитивные забавы, но местные жители, похоже, веселились от души. Я не такой дурак, чтобы выбрасывать денежки на игры, в которых вас непременно надуют, на каждой ярмарке во всех измерениях, или, из того, что я видел, на всякую дребедень, выставленную на продажу на шатких столиках, беспорядочно расставленных под жарким солнцем для моего обозрения. Я смотрел на все это флегматичным взглядом. Большая часть товаров была откровенным барахлом, но я все равно с удовольствием их разглядывал, прежде чем проверять качество местного пива в харчевне напротив. Из нее, шатаясь, выходило достаточное количество посетителей, чтобы я получил хорошее представление об этом месте.

— Эй! Посмотри вниз! Пожалуйста, добрый человек, вытащи меня отсюда!

Я посмотрел на стол. На меня смотрел чей-то глаз. Он отражался примерно в дюйме тусклого серебристого клинка, торчащего из потертых кожаных ножен. Я посмотрел вверх. Рядом не было никого, чей глаз мог бы отразиться в клинке. Заинтригованный, я схватился за потемневшую латунную рукоять и вытащил меч еще на несколько дюймов. В клинке появился второй глаз. Это были продолговатые, сине-стальные шары, обведенные черным контуром, зоркие и пронзительные. Я взглянул вверх, чтобы убедиться, что торговец с черной косой не наложил на клинок заклинание, чтобы сделать его более

привлекательным для прохожих, но он стоял в конце прилавка, разговаривая со старухой, густо поросшей длинными седыми космами, о фарфоровой ночной вазе в цветочек.

— Хвала Кузнецу, я уж думал, ты никогда меня не послушаешь! — прошептал тот же голос.

— Я слышал тебя, — вежливо отозвался я. — Всего хорошего.

И приготовился перейти к следующей груде товаров.

В голосе прозвучало отчаяние:

— Умоляю тебя, друг, не уходи! Вдруг ты услышишь что-то такое, что будет тебе на пользу!

Я тотчас наострил уши. Надо сказать, что уши извергов отлично приспособлены для того, чтобы слышать то, что нам нужно, поскольку по форме они мало чем отличаются от ушей летучих мышей, которые могут различать звуки вплоть до самых высоких децибел. Мы прекрасно слышим даже пятнадцатизначные суммы.

— Что такого ты мог бы для меня сделать? — спросил я, стараясь не выдавать интереса в голосе.

— Сначала, приятель, очисти меня от грязи этого места.

— Как это? — спросил я.

— Если нет врага, которого можно поразить, хорошенько стукни по камню.

— Почему бы нет? — сказал я.

Я не ношу оружия. Таких извергов, как я, уже сама природа снабдила защитной броней: толстой шкурой, проткнуть которую может лишь самый острый клинок, желтыми когтями, которым ничего не стоит выпотрошить противника так же легко, как и открыть банку с пивом, и острыми четырехдюймовыми клыками, способными разорвать в клочья что угодно, включая дешевые стейки на стоянке грузовиков. Впрочем, мне отлично известно их истинное назначение.

Напугав пару паукообразных рядом со мной так, что те от страха преждевременно отложили мешочки с яйцами, я взмахнул мечом над головой и стукнул лезвием по земле. Меч запел. С него отлетели куски ржавчины. Я на всякий случай зажмурил глаза. Когда пыльная буря улеглась, я обнаружил, что сжимаю блестящий меч с клинком из раскаленного добела серебра и рукоятью из чеканного золота, усыпанной драгоценными камнями-кабошонами чистых цветов рубина, аметиста, изумруда и сапфира, при виде которых у меня зачесались ладони. Я уже мысленно начал подсчитывать возможные барыши.

Глаза, теперь свободные от затуманивавшей их пленки, стали еще острее. Я видел такие глаза, когда играл в Драконий покер, поверх руки с картами, когда мой противник мучился вопросом, вправду ли я собрал всю масть или же блефую. Эти глаза придирчиво рассмотрели меня с головы до ног.

— Дикарь Изверг, — сказал клинок. — Я и помогал твоим соплеменникам, я и убивал их.

— Я покажу тебе дикаря, жестянка, — прорычал я.

Глаза на миг закрылись, как будто невидимое существо склонило голову в извинениях.

— Как пожелаешь. Значит, твой народ достиг более высокого статуса, нежели имел, когда я в последний раз видел твоего соплеменника. Умоляю тебя, друг, купи меня поскорее. И тогда я покину это место. Я прослежу, чтобы ты получил десятикратное вознаграждение.

— Десятикратное, говоришь? — Что ж, неплохая окупаемость затрат. Тем не менее я не заметил рядом с собой околоплодных вод.

— Если ты этого не знал, Худышка, ты меч. Где ты возьмешь деньги?

— Я расскажу тебе свою историю, если ты только удалишь меня из этого места. Боюсь, что скоро нас может подстергать опасность.

И тут до меня дошло, что не я один заметил преобразование меча с блошиного рынка из ножика для вскрытия писем в музейный экспонат. Я злобно зыркнул на них и оскалил зубы. Они тотчас попятались, стараясь держать руки и ноги подальше от моего рта. Я засунул меч обратно в его потертые ножны и небрежно протаскил его через грязь к существу, которому принадлежал ларек.

— А-а-а, хорошо... сэр, — сказал иттшалкианец, поворачивая ко мне свою заплетенную в косички шкуру. Он нервно посмотрел на меня, но явно не собирался отказываться от потенциальной продажи. Он взглянул на облезлый кожаный тубус в моей руке. Я еще крепче сжал пальцы на рукояти.

— Я вижу, вы выбрали один из моих любимых артефактов. Уверен, что вы понимаете его ценность.

— Разумеется, — ответил я. — Пять золотых монет, и ни одной больше.

— Пять?! — удивился торговец. Маска маслянистой угодливости мгновенно превратилась в гримасу возмущения. — Как вы могли попросить меня расстаться с семейной реликвией

всего за пять монет, чешуйчатый сэр? Она стоит как минимум сорок!

Меня всегда забавляло, как лавочник мог навалить на стол горы всякого барахла, не обращать на них внимания, если на них никто открыто не посягал, оскорблять их в глазах своих друзей и семьи, называя мусором, а затем внезапно запричитывать *о-горе-мне-моя-семья-бюджет-голодать*. Я слышал эту ектению так часто, что мог бы читать ее вместе с ним. Если это был хороший продавец, я иногда присоединялся к нему, просто чтобы насладиться шоу, но у этого клоуна напрочь отсутствовал естественный стиль. Он явно был из тех, кто клюнул на курс с рекламы на обложке журнала: «Если ты умеешь рисовать Спарки, ты тоже можешь стать грязным торгашом!» Природного дарования в нем не было ни на грош. Да и я был не в настроении.

— Слишком много для начала, брат, — сказал я, укоризненно покачав головой. — Даже демон не осмелился бы спросить с меня двадцать монет за этот шампур для свиньи.

— Шампур для свиньи! — повторил голос в ножнах. Он прозвучал глуховато, но со слухом у него все было в порядке. — Вот что я скажу тебе, болван...

— Заткнись. Да не ты, — сказал я торговцу. — Мое предложение — пятерка.

— Тогда я говорю — пятьдесят!

Я жадно вздохнул. Он не видел преобразования меча. Я же не только не собирался сообщать ему об этом, но и выразительно зыркнул на собравшуюся вокруг нас толпу, чтобы никто из них не вздумал открывать рот.

— Шесть.

— Шестьдесят! — возразил торговец.

— Семь.

— Семьдесят!

— Четыре.

— Э-э-э... что? — На полной скорости сойдя с рельсов, товарный поезд врезался в кирпичную стену.

— Ты только что впал в абсурд, брат. С этого момента цена снижается.

— Ты этого не сделаешь! — Косы торговца затряслись от ярости.

Я усмехнулся, демонстрируя ему результаты моего последнего визита к стоматологу. При виде моей клыкастой улыбки он побледнел.

— Сделаю, еще как сделаю. Так ты продаешь его или нет?

— Это самое главное, друг!.. — проямил голос из моей руки.
— Заткнись. Итак, на чем мы остановились? Четыре.
— Нет, добрый изверг, я стою как минимум в сто раз больше!
— Молчи! — рыкнул я на него уголком рта. — Хочешь, чтобы я оставил тебя здесь?

— Нет, я вас умоляю!

— Тогда застегни рот, пока тебя не услышали! Четыре, — повторил я.

— Нет, сэр, прошу вас! — Торговец был в ужасе. Он заломил руки. — Он обошелся мне гораздо дороже! Я купил его у старого лысого солдата, которому изменила удача.

— Не иначе как ему не хватало денег на выпивку, — холодно сказал я. Я одерживал верх и не желал отпускать свое везение.

— Дай за меня хотя бы двадцатку.

— Это еще куда ни шло, — одобительно сказал я.

— Значит, ты заплатишь?

— Ни за что. Моим первоначальным предложением было пять монет, и считай, что тебе крупно повезет, если ты их получишь.

— Пятнадцать, друг.

— Нет.

— Десять. Это всего на одну монету больше, чем я за него заплатил. Мое последнее предложение.

Правда непременно заявит о себе, если дать ей время, так же как и местная полиция. Я заметил четверку волосатых копейщиков, целеустремленно бегущих по улице. Кто-то в толпе, должно быть, решил, что я выгляжу опасно. Мне, вероятно, сошло бы с рук, что я хотел нагреть торговца на девять золотых монет, но мне не хотелось связываться с констеблем. Ведь по идее это был мой отпуск!

— По рукам. — Я с великодушным видом нащупал в кармане нужную мелочь и бросил деньги на стол. Монеты со звоном покатались и, звякнув, замерли на медном подносе для коронации. — Приятно было иметь с тобой дело.

С этими словами я небрежно отвернулся и сунул меч под мышку. Окруженная облаком волос горстка людей бросилась к столу торговца и что-то начала втолковывать ему. Не иначе как то, что только последний лох будет продавать столь изысканные столовые приборы по сниженным ценам. Я неторопливо зашагал к гостинице.

— Клянусь небесами, друг, ты жуть какой ловкий делец даже для своего вида.

Обычно лезть мне приятно, но я только что понял, что теперь в моем кошельке появилась прореха размером в десять монет, которой раньше не было. Я оскалился:

— Заткнись. Я только что выложил хорошие деньги за меч, который мне ни к чему.

Мне срочно требовалось выпить. Я вошел в гостиницу, занял единственное место за угловым столиком, сел спиной к стене и лицом — как к парадной, так и задней двери. Затем подал знак барменше, смазливой девице с длинными рыжими волосами на всех ее соблазнительных выпуклостях.

— Эй, красотка! Что тут у вас наливают?

Правда, я потерял пару минут, убеждая девицу, что яиц, из которых пили итгшалкианцы, явно недостаточно, чтобы взбодрить изверга в обеденное время. К тому моменту, когда она появилась с наскоро вымытым ведром, полным пива, меч уже был не в состоянии сдерживать себя.

— Клянусь Кузнецом, как же хорошо оказаться как можно дальше от этих жалких поделок и их хозяина! Вынь меня из ножен, друг. Я чувствую, что мы находимся в довольно мирном месте, где мало потенциальных врагов.

Точно такую же оценку я дал бы ситуации и сам. Главная комната харчевни была пуста, если не считать нескольких местных жителей, которые о чем-то трепались за длинным столом прямо перед барной стойкой, и пары стариков с редующими седыми локонами, игравших в настольную игру под окном на противоположной стороне обеденного зала. Слегка захмелев после первой кружки пива, я согласился удовлетворить каприз меча. Я вытащил его из ножен.

— Как твое имя, друг? — поинтересовался он, буравя меня очередным пронзительным рентгеновским взглядом.

— Ты хочешь сказать, что не можешь прочесть его на резинке моих трусов? — спросил я. — Ааз, коли уж ты спросил.

— Оз?

— Не знаком с таким.

— Понятно. Меня сбил с толку зеленый цвет. А мое имя — Эрзац.

— С тобой все ясно, — усмехнулся я, делая глоток из второго ведра. — Как и любой другой говорящий меч во всех измерениях и большинство тех, кто не обладает даром речи.

— Но я — тот самый ЭРЗАЦ.

— Так, мой блестящий друг, говорят все. — Я посмотрел в глаза меча. Довольно-таки сердитые глаза. — Хорошо, возмож-

но, тот парень, который выковал тебя и наложил на металл закливание интеллекта, сообщил тебе, что тебя зовут Эрзац, но, должен сказать, ты никак не можешь быть настоящим. Тот меч был сделан около десяти тысяч лет назад. Прошел примерно через миллион битв...

— Один миллион четыреста тысяч восемьсот две — нет, три. И никогда не знал поражения.

— Слушай, приятель, ты можешь выдавать липовую статистику, пока не посинеешь, но таких, как ты, сотни или тысячи.

Он гневно сверкнул очами:

— Второго такого, как я, нет! Я уникален! Я, лидер Золотого клада, совсем не похож на те сотни или тысячи, которые были выкованы позже. Они названы в мою честь! Я был рядом с героем Тадетинко, спасшим Троллию от огнедышащих чудовищ Лавандрома! Я был в руке завоевателя, который победил узурпатора Корпорации Демонов! Я, и только я был тем, кто сдерживал врата, что защищали столицу твоего измерения, не давая ей стать дочерней компанией этого самого концерна. Я не имитация! Я НАСТОЯЩИЙ Эрзац!

В тот момент я вспомнил, где видел похожий меч. Он был вплетен в гобелен, висевший на стене археологического музея в городе, где я вырос. В частности, я заметил необычный узор из драгоценных камней на его золотой рукояти. Примерно за две или три тысячи лет до того, как я родился, изверг по имени Клонмейсон действительно защищал наше измерение от вторжения деволов, которые пытались занять наш главный город. Он загнал их обратно в их адские края легендарным мечом по имени...

— Не-е-е... — выдохнул я. — Золотой Клад — это миф!

— Вообще-то, нет, — сказал меч.

Я откинулся на спинку стула, забыв даже про пиво. В течение тысяч лет легенды о Золотом Кладе ходили во всех измерениях. Это было собрание сказочных одушевленных сокровищ, которые как будто сами находили путь к людям, собиравшимся стать героями, чтобы спасти мир от той или иной опасности, подстерегавшей его в то время. Я знал о Кладе все. Он состоял из всех традиционных вещей, одна из которых случайно попадает в руки какого-нибудь несчастного рыцаря как раз в тот момент, когда рыцарь надеется избежать крупного конфликта и оказывается в самом сердце решающей битвы за спасение мира, причем появляется как раз вовремя, чтобы освободить прекрасную даму, или же попадает в руки начинающего чародея, что позволяет ему или ей изречь пророчество, спасающее

королевство от верной гибели. Эти легенды ходили уже тысячи лет. Я редко испытываю трепет перед живыми людьми и почти никогда — перед неодушевленными вещами, но скажу честно, я испытал уважение к полоске стали в моих руках. Если это настоящий Эрзац, то он вел в бой больше генералов, чем надежд на славу. В таком случае он стоил заплаченных за него денег: десять золотых монет были сущими грошами по сравнению с той прибылью, которую он сулил.

— Итак, хрустальный шар, чаша и фолиант?..

— Да, а также кольцо, флейта и бездонный кошелек денег — они тоже члены нашего ордена. Я старший. Был еще великий Щит, — добавил меч. — Но он пожертвовал собой ради освобождения Клада четыре тысячи лет назад. Арфа без струн была раздавлена во время погрома, который последовал за Укрощением Гигантов-Многоножек. Великий Ключ расплавился в пожаре, разрушившем сокровищницу в форте Нокс. Тем не менее такова наша судьба. Я видел, как великие сокровища присоединяются к нам только затем, чтобы покинуть этот бранный мир, но при этом испытывают радость от того, что они были созданы именно для такого момента.

— Разве там не было, ммм... больше сокровищ? — спросил я. — Я слышал про золотую булаву, которую некоторое время назад какой-то парень таскал с собой. По идее она тоже была частью Золотого Клада.

— У нас вечные проблемы с самозванцами, — со вздохом ответил меч. — Какое-то время из темных углов, если можно так выразиться, вылезали некие «Героические сокровища». В нашей славной команде никогда не было булавы. Нам поступала заявка от Воынки Страха, но, как оказалось, в ней не было ничего магического. Просто ее звук естественным образом заставлял любого, кто ее слышал, повернуться и, заткнув уши, бежать прочь, что под силу любой из десяти миллиардов воынок.

При мысли о десяти миллиардах воынок я поежился и снова пристально осмотрел меч.

— Похоже на катаэ, — сказал я, любуясь металлом. Его раз за разом перегибали, чтобы сделать слои катаэ во сто крат прочнее и гибче, чем любое литое лезвие.

— Катаэ! — взвизгнул клинок. — Мой кузнец жил на десять тысяч лет раньше катаэ! Он изобрел и успел забыть большее количество технологий, чем любой кузнец с тех пор!

— Не заплетай свои иглы в косу, — сказал я, продолжая осмотр. Меч «Эрзац» некогда славился как самый острый и са-